ПАМЯТНЫЯ ЗАМѢТКИ Е. Н. МОЛЛЕРЪ,

рожденной Муравьевой.

1820—1872.

Для возлюбленныхъ дѣтей моихъ написала я эти воспоминанія о нѣкоторыхъ эпизодахъ моей жизни, оставившихъ въ памяти и въ сердцѣ моемъ, съ самаго дѣтства, сильное и неизгладимое впечатлѣніе. Пусть эти воспоминанія сохранятся на страницахъ всѣми уважаемой «Русской Старины». Е. М.

I.

Первое событіе, которое я сознательно помню, случилось когда мнѣ было, полагаю, не болѣе двухъ лѣтъ; какъ теперь помню: я сижу въ красной колясочкѣ, меня возятъ по саду, въ деревнѣ у дѣдушки, Николая Михайловича Мордвинова, отца моей матери; колясочка опрокинулась и я выпала, но не ушиблась, а заплакала.

Послѣ этого, помню, мы въ Новгородѣ, въ губернаторскомъ домѣ (отецъ мой, Николай Назарьевичъ Муравьевъ, былъ тамъ губернаторомъ); однажды вечеромъ, мать моя взяла меня на руки, поставила на стулъ, надѣла на меня красный сарафанъ, повязку на голову и красные, шитые золотомъ, башмаки, которые мнѣ очень нравились, и повела меня въ большую очень свѣтлую залу, гдѣ играла музыка и было много наряженныхъ дѣтей. Мать велѣла мнѣ дать руку одному мальчику, но я не захотѣла, потому что у него были надѣты перчатки, и расплакалась; меня унесли изъ залы.

Еще помню, что однажды утромъ вошли къ намъ въ залу священники и много монашенокъ и запѣли; это было Рожде-

ство; я испугалась, закричала и убѣжала въ дѣтскую, гдѣ спряталась подъ кровать; няня вытащила меня оттуда и посадила къ себѣ на колѣни. Потомъ помню — мы уже въ Петербургѣ; однажды мать поставила меня и сестеръ моихъ Александру и Вѣру на колѣни передъ образомъ и учила насъ молитвѣ: „Пресвятая Троица, помилуй насъ“.

Затѣмъ воспоминаніе переноситъ меня въ деревню Ратчино; я сижу подлѣ мамы, въ саду, съ куклою на рукахъ, а мама шьетъ ей очень красивое, пестрое одѣяло; потомъ помню себя опять въ Петербургѣ; я больна и лежу въ кроваткѣ около мамы; у меня, какъ я послѣ узнала, была скарлатина и я прохворала долго; помню, что разъ я проснулась и мама принесла мнѣ въ чашкѣ бульону и поила меня имъ съ ложечки; онъ казался мнѣ очень вкуснымъ, я смотрѣла на маму и чувствовала, что я ее очень люблю.

Послѣ этого помню, что однажды мать моя поѣхала съ отцомъ къ дѣдушкѣ на обѣдъ, а вечеромъ, когда они возвратились домой, нашу бѣдную маму двое вели подъ руки и она была совсѣмъ согнувшись; я испугалась, намъ сказали, что мама больна; мы просились къ ней, но насъ не пустили въ ея спальню, какъ всегда; мнѣ было очень скучно. Вскорѣ послѣ этого, какъ-то утромъ, слышу няня говоритъ кому-то:

— „Какая барыня блѣдная, она померла“.

Хотя я не совсѣмъ поняла смыслъ этихъ словъ, но онѣ поразили меня и я крѣпко заплакала и закричала; няня взяла меня на руки, ласкала меня, но я была неутѣшна; я до сихъ поръ помню горестное чувство, наполнившее тогда мою дѣтскую душу. Дядя [1]), помнится, давалъ мнѣ съ ложечки сахарную воду; кажется, я заснула и не помню какъ успокоилась.

Мы опять стали проситься къ мамѣ, но насъ не пускали; старшій братъ мой, Николай, плакалъ. Мы спрашивали: „гдѣ мама?“

— Она у Бога, отвѣтили намъ.

Мнѣ было скучно, что я ее болѣе не увижу. Мы просились къ отцу; намъ сказали: „папа не здоровъ“; мы очень скучали.

Послѣ этого, помню, что тетя, сестра моего отца, Е. Н. Девятнина, повезла насъ въ деревню: двухъ моихъ сестеръ, меня и

---

[1]) Александръ Николаевичъ Мордвиновъ, впослѣдствіи сенаторъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ.

маленькаго нашего брата съ кормилицей. Мы сидѣли и лежали въ большой, удобной, мягкой каретѣ и намъ это очень нравилось. Помню, какъ мы пріѣхали въ деревню, принадлежавшую отцу нашему, въ маленькій домикъ, къ другой теткѣ, О. Наз. Набоковой, также родной сестрѣ моего отца. Тамъ намъ было тепло и хорошо и мы стали жить у этой тети, лѣтомъ, въ деревняхъ моего отца: Ратчинѣ и Борѣ, а зимою въ Новгородѣ. Помню, какъ она насъ берегла, сама учила насъ читать, писать и постепенно всѣмъ другимъ наукамъ. Такъ жили мы у нея долгое время; радостные дни были для насъ, когда отецъ и два старшіе наши брата пріѣзжали къ намъ на праздникъ изъ Петербурга въ Новгородъ или въ деревню; мы обожали отца и крѣпко любили братьевъ и намъ бывало очень скучно, когда они уѣзжали.

Одинъ разъ, вскорѣ послѣ ихъ пріѣзда, тетя вышла къ намъ и говоритъ:

— „Знаете-ли, дѣти, у васъ будетъ скоро молодая мама; папа вашъ женится на Betsy Моллеръ“.

Мы спросили: „какая она, добрая-ли?“

На это гувернантка наша, знавшая ее, отвѣчала, что она добрая, молодая и красивая. Мы обрадовались и хотѣли ее видѣть; желаніе наше исполнилось. Отецъ нашъ вскорѣ написалъ тетѣ, чтобы она пріѣхала съ нами въ Петербургъ; мы отправились; насколько помню, это было весною. Въ Петербургѣ мы увидѣли нашу молодую маму, она насъ обласкала, подарила намъ красивыя куклы и разныя игрушки; мы ее полюбили.

Петербургъ намъ очень понравился, но на лѣто мы уѣхали опять съ тетей въ деревню, куда на этотъ разъ вскорѣ пріѣхалъ погостить и отецъ съ нашей молодой мамой. Мы были внѣ себя отъ радости; всякій день гуляли съ ними по саду, по полямъ; за то день ихъ отъѣзда насъ очень сокрушилъ, впрочемъ не надолго.

Забыла упомянуть объ одномъ, довольно интересномъ, эпизодѣ, случившемся во время нашего пребыванія съ тетей, лѣтомъ, въ Бору, который находился недалеко отъ Грузина, имѣнія гр. Аракчеева. Въ то время Аракчеевъ былъ въ большой силѣ; отецъ мой, по волѣ государя, служилъ у него. Аракчеевъ очень уважалъ отца моего, говорятъ, даже боялся его и, пріѣзжая въ Новгородъ по службѣ, всегда заѣзжалъ къ тетушкамъ, говоря:

— „Я желаю видѣть дѣтей Николая Назарьевича Муравьева, чтобы ему привезти добрую вѣсть о нихъ".

Зная, что имѣнье наше находится по близости отъ его Грузино, онъ былъ такъ любезенъ, что просилъ тетю разъ навсегда ѣздить туда съ нами лѣтомъ, когда вздумается погулять, и даже гостить тамъ, чѣмъ мы и пользовались и не разъ ѣздили въ Грузино на пароходѣ съ нашими сосѣдями, которые, по приглашенію тети, присоединялись къ намъ съ ихъ дѣтьми. Веселились мы тамъ по царски; насъ угощали всевозможными явствами, лакомствами и разными рѣдкостями. Домъ и садъ въ Грузино были великолѣпные и мы были тамъ какъ дома; принимала насъ извѣстная Настасья, которая намъ и прислуживала.

Однажды утромъ, мы пошли играть въ садъ; насъ поставили на скамейку къ рѣшеткѣ сада; скоро проѣхала мимо насъ, довольно тихо, коляска, въ которой сидѣлъ государь Александръ Павловичъ, котораго мы видѣли первый разъ, и гр. Аракчеевъ, который громко сказалъ государю:

— „Вотъ дѣти Николая Назарьевича Муравьева".

Государь ласково поклонился намъ, а мы и тетя наша были этимъ очень довольны.

Осенью 1824 г., отецъ опять написалъ тетѣ, чтобы она пріѣхала съ нами въ Петербургъ, этотъ разъ уже навсегда. Мы были счастливы тѣмъ, что болѣе не будемъ разставаться съ отцомъ и братьями, которыхъ мы любили всею силою нашей дѣтской души. Какъ теперь помню, мы пріѣхали въ Петербургъ подъ вечеръ, подъѣхали къ большому дому на набережной Невы и поднялись по большой, прекрасной лѣстницѣ въ бель-этажъ, въ большое нарядное зало съ колоннами. Отецъ вышелъ намъ на встрѣчу, обнялъ насъ; тутъ была и молодая наша мама и другіе родные, которые всѣ насъ ласкали; намъ было очень радостно. Помню, какъ намъ не хотѣлось идти спать, но тетя отправила насъ съ гувернанткой.

Утромъ мы проснулись въ восхищеніи при мысли, что мы въ Петербургѣ и больше не уѣдемъ изъ него, и тотчасъ запѣли наши дѣтскія пѣсни, что было у насъ въ обыкновеніи. Съ этого дня началась для насъ новая жизнь, раздольная, веселая. Дѣдушка вашъ былъ большой хлѣбосолъ и весьма гостепріимный, онъ любилъ чтобы у него въ домѣ было людно, чтобы всѣ были веселы и кушали вдоволь, большіе и малые.

Домъ былъ у насъ собственный, огромный, въ четыре этажа, мы занимали его весь одни; насъ было у отца десять человѣкъ дѣтей; комнаты у насъ были большія, нарядныя, удобныя; было гдѣ бѣгать, играть и рѣзвиться. Намъ взяли новую гувернантку француженку, очень добрую, и разныхъ учителей. Мы стали гораздо больше учиться.

Со старшими братьями мы еще не видѣлись и съ нетерпѣніемъ ожидали субботы; наконецъ, въ четыре часа пріѣхали братья Николай и Валеріанъ изъ Пажескаго корпуса [1]); наша радость свиданія съ ними, послѣ долгой разлуки, была невыразима; начались разсказы, разспросы, игры; насъ было три сестры и три брата, младшій братъ тоже присоединился къ намъ, мы играли во всевозможныя игры, даже въ солдаты, играли и бѣгали до упада и веселились райски. Такъ протекала наша дѣтская жизнь нѣсколько лѣтъ сряду весело и беззаботно.

Однажды утромъ, то было осенью, мы готовились ѣхать въ танцъ-классъ къ родителямъ нашей belle-mère, морскому министру Моллеру, на Англійскую набережную, какъ вдругъ началось наводненіе. Слышимъ пушечные выстрѣлы изъ крѣпости; вода показалась на набережной и мы не могли ѣхать; сѣли на окно и стали съ ужасомъ смотрѣть на рѣку, которая разлилась до нашего дома. Вдругъ кто-то закричалъ:

— „Вода въ нижнемъ этажѣ, въ комнатахъ нашихъ братьевъ"! но, къ счастію, они были въ корпусѣ.

Мы перепугались; на Невѣ поднялась страшная буря, по рѣкѣ неслись лодки съ людьми, доски, мебель, крыши, цѣлые домики, оторванные плашкоуты съ людьми, которые поднимали руки къ небу, прося о помощи. Зрѣлище было ужасное; мы были въ большомъ страхѣ; къ вечеру наводненіе стало уменьшаться и мы легли спать; проснувшись по утру, съ радостью увидѣли, что наводненіе кончилось.

Вскорѣ послѣ этого, дорогая наша тетя, О. Н. Набокова, уѣхала отъ насъ къ своей дочери, которая была за мужемъ въ

---

[1]) Муравьевы — Николай Николаевичъ, впослѣдствіи графъ Амурскій, членъ Государственнаго Совѣта и Валеріанъ Николаевичъ Псковской губернаторъ, умершій сенаторомъ въ Москвѣ, отецъ нынѣ извѣстнаго прокурора Московской Судебной Палаты. Ред.

Новгородѣ. Горько было намъ разставаться съ нею, мы любили ее, какъ вторую мать, которую она намъ замѣняла въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; она была наша истинная благодѣтельница и берегла насъ, какъ свой глазъ. Вы поймете, дѣти, какъ грустно было намъ съ нею разстаться, но она насъ утѣшала и обѣщала скоро опять пріѣхать, и добрая тетя исполняла свое обѣщаніе ежегодно.

II.

Мы продолжали учиться и занимались много, но любимые наши дни были суббота и воскресенье, когда пріѣзжали къ намъ изъ корпуса старшіе братья. Братъ Александръ учился еще дома и былъ всѣхъ насъ моложе, но потомъ онъ поступилъ въ лицей. Лѣтомъ мы переѣхали съ мачихой нашей въ Ораніенбаумъ, на дачу къ ея родителямъ, на пароходѣ, который былъ въ распоряженіи ея отца. Нашъ отецъ оставался постоянно въ Петербургѣ, не имѣя времени, по службѣ, отлучаться изъ города; на дачѣ мы очень веселились, насъ было много дѣтей вмѣстѣ; въ саду у дѣда Моллера всякій день игралъ оркестръ музыкантовъ-моряковъ; мы часто ѣздили въ Петергофъ на гулянья, на царскіе праздники, на иллюминаціи, которыя насъ восхищали; мы помѣщались тамъ въ кавалерственномъ домѣ, который отводили отцу, а онъ, наша belle-mère и ея родители отправлялись во дворецъ; также и братъ Николай, который 13-ти лѣтъ былъ уже камеръ-пажемъ.

По возвращеніи нашемъ осенью въ Петербургъ, мы поѣхали, однажды, въ воскресенье, по обыкновенію, обѣдать къ родителямъ мачихи; тамъ мы услышали печальную вѣсть о томъ, что государь Александръ Павловичъ скончался въ Таганрогѣ; всѣ были печальны. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, приходитъ утромъ няня насъ одѣвать и говоритъ, что нашъ папа уѣхалъ рано утромъ во дворецъ, а отъ belle-mère мы узнали, что онъ поѣхалъ присягать новому государю Николаю Павловичу.

Долго ждали мы отца, но онъ не возвращался; мы очень безпокоились; вдругъ слышимъ, что мимо нашего дома, по Гагаринской набережной, несутся кавалерія, артиллерія, идетъ пѣхота по направленію къ Зимнему дворцу. Въ это время вбѣгаютъ

няня и горничная и говорятъ: „Бунтъ на Дворцовой площади, тамъ стрѣляютъ“.

Мы хотѣли бѣжать къ нашей belle-mère, но гувернантка насъ не пустила, говоря, что она не совсѣмъ здорова и что не надобно ее безпокоить. Наконецъ, довольно поздно вечеромъ возвратился отецъ; мы обрадовались, онъ насъ поцѣловалъ, благословилъ и послалъ спать.

На другой день утромъ входитъ въ дѣтскую наша belle-mère и говоритъ: „Знаете ли, дѣти, вчера былъ бунтъ на Дворцовой площади, тамъ стрѣляли изъ заряженныхъ ружей и пушекъ; и знаете ли кто спасъ нашу царскую фамилію? мой двоюродный братъ, полковникъ Александръ Өедоровичъ Моллеръ; папа вашъ разсказалъ мнѣ какъ это было. Мой cousin, А. Ө. Моллеръ, полковникъ л.-гв. Финляндскаго полка, былъ дежурнымъ по караулу, со своимъ баталіономъ, въ Зимнемъ дворцѣ. Вдругъ подходитъ къ нему молодой кавалерійскій офицеръ, съ командою, и говоритъ, что онъ посланъ смѣнить внутренній караулъ въ царскихъ комнатахъ и спрашиваетъ, гдѣ ходъ къ нимъ, что онъ его не знаетъ. Мой двоюродный братъ усумнился въ немъ, но скрылъ это и указалъ ему совершенно противоположный и дальній ходъ черезъ эрмитажъ и, вслѣдъ затѣмъ, послалъ своего офицера предупредить коменданта дворца, генерала Мартынова, и министра двора, кн. Волхонскаго, чтобы поспѣшно были приняты мѣры для задержанія подозрительнаго караула, направленнаго имъ черезъ эрмитажъ. Вслѣдствіе этого, была выслана немедленно, по указанному ходу, команда на встрѣчу кавалерійскому караулу, который и былъ задержанъ; оказалось, что это были переодѣтые измѣнники и злоумышленники, посланные начальствомъ своимъ для совершенія ужаснаго злодѣянія, на погибель всей нашей царской фамиліи; отецъ вашъ, мой братъ и всѣ сановники, находившіеся тогда во дворцѣ, также сдѣлались бы жертвою измѣнниковъ; письменное приказаніе объ этомъ было найдено у офицера, ведшаго караулъ, который во всемъ сознался“.

На другой день послѣ бунта, когда все миновало, 15-го декабря 1825 года, было назначено всѣмъ представляться новому государю, Николаю Павловичу. Когда государь вошелъ въ зало,

онъ подозвалъ полковника Моллера и обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ съ слѣдующими незабвенными словами:

— „Вотъ молодой офицеръ, которому я обязанъ тѣмъ, что имѣю сегодня удовольствіе говорить съ вами, и который доказалъ, что не довольно быть усерднымъ и преданнымъ, но надобно еще быть и умнымъ“.

Въ этотъ день полковникъ Моллеръ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Все это потомъ разсказалъ намъ нашъ отецъ, который былъ въ то время статсъ-секретаремъ и начальникомъ собственной Его Величества канцеляріи; онъ находился 14-го декабря во дворцѣ и былъ всему свидѣтелемъ; а 10 лѣтъ спустя, когда я сдѣлалась женою отца вашего, Александра Ѳедоровича Моллера, бывшаго въ то время уже командиромъ л.-гв. Егерскаго полка, онъ подтвердилъ мнѣ все разсказанное выше, а равно и незабвенныя слова государя Николая Павловича.

Отецъ вашъ постоянно говорилъ, что онъ считаетъ величайшимъ счастіемъ, что Богу угодно было избрать его, чтобы отвратить гибель и страшное бѣдствіе отъ нашего царственнаго дома и отъ нашего дорогаго отечества. Господь читалъ въ сердцѣ отца вашего чистую и пламенную любовь къ монарху и къ отечеству, которая не покидала его до конца жизни.

Продолжаю разсказъ о служебной карьерѣ полковника, флигель-адъютанта А. Ѳ. Моллера, впослѣдствіи отца вашего.

Въ 1826 г., лѣтомъ, отецъ мой, братъ Николай и флигель-адъютантъ Моллеръ поѣхали въ Москву, на коронацію, а мы, съ нашей belle mère и двумя братьями, остались въ Петербургѣ. Мы скучали и ожидали съ нетерпѣніемъ возвращенія отца и брата; они вернулись, къ большой нашей радости, съ преинтересными разсказами о празднествахъ коронаціи, много было роздано всѣмъ наградъ, въ томъ числѣ и отцу моему.

Наша дѣтская жизнь не измѣнилась, прибавились только науки и занятія.

Въ 1829 г. я и сестры мои были въ горѣ: была объявлена война Турціи; старшій братъ нашъ Николай, а вашъ дядя, (впослѣдствіи графъ Муравьевъ-Амурскій), долженъ былъ идти на войну. За годъ передъ тѣмъ, онъ поступилъ, по желанію государя, изъ камеръ-пажей въ л.-гв. Финляндскій полкъ, въ батальонъ полковника флигель-адъютанта Моллера, съ которымъ

былъ очень друженъ, и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ въ походъ. Это очень успокоивало отца, но мы чрезвычайно за него боялись.

Война кончилась черезъ годъ; братъ и полковникъ Моллеръ возвратились невредимы въ Петербургъ, хотя были часто въ сраженіяхъ; радость наша и отца нашего была невыразима. Но недолго продолжался миръ; въ 1831 г. началось возстаніе въ Польшѣ и опять весь гвардейскій корпусъ пошелъ въ походъ, въ Царство Польское, усмирять поляковъ; на этотъ разъ пошелъ и второй нашъ братъ [1], недавно произведенный въ офицеры, но они пошли въ разныхъ отрядахъ, а фл.-адъют. полковникъ Моллеръ пошелъ съ своимъ полкомъ; онъ былъ во многихъ дѣлахъ, часто подъ пулями и ядрами и особенно отличился подъ Текочиномъ, гдѣ подъ нимъ гранатою была ранена лошадь, но онъ остался невредимъ. За штурмъ Варшавы съ Финляндскимъ полкомъ, которымъ онъ командовалъ, по болѣзни полковаго командира, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. По усмиреніи поляковъ, вся гвардія и оба наши брата возвратились благополучно въ Петербургъ, къ великой радости отца и всѣхъ насъ.

Наконецъ, настала давно желанный миръ, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ. Братья, послѣ польской кампаніи, пріѣхали на продолжительный отпускъ къ намъ и, по желанію отца, занялись хозяйствомъ; одинъ—въ имѣніяхъ его въ Новгородской губ., а другой, братъ Николай, въ Царствѣ Польскомъ, въ высочайше пожалованномъ отцу арендномъ имѣніи. Удачное ихъ хозяйничанье привело въ порядокъ всѣ отцовскія имѣнія; братья опять отправились на службу, на Кавказъ, получивъ назначеніе къ главнокомандующему, генералу Евгенію Александр. Головину.

Спустя нѣкоторое время я была помолвлена съ генераломъ Моллеромъ, въ то время командовавшимъ л.-гв. егерскимъ полкомъ и 2-й гвардейской пѣхотной бригадой; братья мои взяли отпускъ, пріѣхали на мою свадьбу и были моими шаферами.

Вышедши замужъ за отца вашего, я была счастлива такъ, какъ какъ только можно быть счастливой на землѣ съ человѣкомъ, горячо любимымъ и одареннымъ лучшими качествами души,

---

[1]) Валеріанъ, впослѣдствіи сенаторъ, тайный совѣтникъ. М.

которыя привязали меня къ нему безгранично. Богъ благословилъ насъ дѣтьми милыми и добрыми; вы были лучшею нашею отрадою и утѣхою; жизнь моя была въ высшей степени счастливая.

Служба отца вашего была дѣятельная, но онъ былъ неутомимъ и счастливъ, пользуясь постоянно милостивымъ благоволеніемъ государя Николая Павловича; отецъ вашъ былъ назначенъ въ свиту, оставаясь командиромъ полка, а черезъ нѣсколько лѣтъ произведенъ въ generalъ-лейтенанты и назначенъ командиромъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Впослѣдствіи государю угодно было назначить его начальникомъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

Мы жили постоянно лѣтомъ въ лагерѣ, въ Красномъ селѣ, и не разъ, какъ вы помните, милыя дѣти, государь подвозилъ, ѣдучи со смотровъ, отца вашего въ своей коляскѣ къ нашей дачѣ; мы выбѣгали ему на встрѣчу и всегда слышали нѣсколько самыхъ милостивыхъ словъ отъ обожаемаго нами государя Николая Павловича!

Однажды, въ 1840-хъ годахъ,—вы были еще малютками,—я жила съ вами въ лагерѣ, въ деревнѣ Фабрикантской, въ маленькомъ домикѣ; отецъ вашъ ушелъ со своей дивизіей на продолжительные маневры. Вдругъ, вечеромъ, когда вы уже спали, слышу, съ изумленіемъ, конскій топотъ подъ моими окнами и дядя вашъ, а мой братъ, Николай Николаевичъ, уже молодымъ генераломъ, влетаетъ неожиданно въ мою гостинную, обнимаетъ меня и говоритъ, что онъ только что сегодня пріѣхалъ въ Петербургъ съ Кавказа изъ Бамборъ (гдѣ онъ былъ начальникомъ) и привезъ съ собой депутацію горцевъ, не помню хорошенько, изъ сколькихъ человѣкъ, изъ покореннаго имъ аула, съ которыми онъ долженъ былъ на другое утро отправиться на маневры, чтобы представить ихъ государю императору.

Было уже поздно, я была очень обрадована свиданіемъ съ братомъ; напоивъ его чаемъ и поужинавъ съ нимъ, я приказала накормить его команду и уложить горцевъ на ночь по сараямъ. На другое утро, братъ, напившись со мною кофе, поспѣшилъ отправиться на маневры; вы еще спали, когда дядя выстроилъ своихъ смуглыхъ азіятовъ передъ моими окнами, скомандовалъ имъ отдать мнѣ честь и съ крикомъ: „Аллахъ, Аллахъ“, они поскакали маршъ-маршемъ, съ братомъ моимъ во главѣ, что́

было очень красиво и воинственно. За покореніе аула дядя вашъ получилъ изъявленіе царскаго благоволенія и былъ награжденъ орденомъ, а мы съ отцомъ вашимъ имѣли утѣшеніе видѣть его часто у себя и слышать много интересныхъ разсказовъ о боевой его жизни на Кавказѣ.

III.

Въ 1848 г. былъ назначенъ Венгерскій походъ и отецъ вашъ выступилъ со своей дивизіей въ Вильно, гдѣ оставался нѣсколько мѣсяцевъ; я съ вами также поѣхала въ Вильно къ отцу вашему. Это было лѣтомъ; Вильно намъ понравилось и наше тамъ пребываніе было бы очень пріятное, если бы не внезапная кончина великаго князя Михаила Павловича, которая глубоко сокрушила отца вашего, либившаго безпредѣльно великаго князя, его августѣйшаго благодѣтеля.

Служебное положеніе вашего отца послѣ этого совсѣмъ измѣнилось; отъ возвышеннаго и благодѣтельнаго начальника власть попала въ руки человѣка завистливаго и крайне недоброжелательнаго, особенно къ старшимъ по немъ, подчиненнымъ ему генераламъ.

Въ 1852 г., мы помѣстили брата вашего, Колю, въ Пажескій корпусъ; поступленіе его въ корпусъ было самое счастливое, сверхъ заслугъ мальчика. Е. и. в. наслѣдникъ цесаревичъ, впослѣдствіи государь императоръ, Александръ Николаевичъ, пріѣхалъ въ тотъ день въ корпусъ и самъ удостоилъ представить брата вашего начальству корпуса.

— „Рекомендую вамъ этого пажа, сказалъ его высочество, онъ славный мальчикъ,— прошу его любить и жаловать, какъ я его люблю“.

Говоря это, наслѣдникъ обнялъ его; только съ ангельской душою можно было поступить такимъ образомъ. Коля его боготворилъ, да и могло ли быть иначе?

Наслѣдникъ цесаревичъ требовалъ иногда по праздникамъ Колю нашего во дворецъ, играть съ ихъ высочествами, великими князьями, покойнымъ наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ и великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ,

нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ нашимъ. Разъ, помните, пріѣхавъ къ намъ изъ дворца, Коля разсказывалъ намъ съ восторгомъ, что вел. кн. Николай Александровичъ, который бралъ его всегда въ играхъ въ свою партію и былъ имъ доволенъ, сказалъ ему:

— „Моллеръ, я хочу, чтобы ты всегда былъ моимъ; дай честное слово, что ты будешь моимъ всегда“.

На это Коля отвѣчалъ:

— Клянусь, что я буду всегда вашимъ!

И великій князь Николай Александровичъ его обнялъ. Впослѣдствіи эти слова оказались какъ бы пророческими. Братъ вашъ Коля былъ славный мальчикъ, съ бойкими способностями, добрымъ сердцемъ, былъ любимъ товарищами, которыхъ онъ часто выручалъ, помогая имъ готовить уроки и дѣлясь съ ними всѣмъ братски; начальники также любили его и всегда намъ его хвалили; казалось, ему предстояла будущность блестящая и счастливая. Но Богъ судилъ иначе!

Въ 1854 г. началась крымская война, гвардейскій корпусъ былъ раздѣленъ на два отряда: дѣйствующій и резервный, которымъ командовалъ ген. Сумароковъ, а дѣйствующимъ государь императоръ назначилъ командовать отца вашего и приказалъ перевести этотъ отрядъ въ Петергофъ; главнокомандующимъ отряда былъ самъ государь. Отцу вашему была отведена въ Петергофѣ большая, прекрасная дача, куда и я съ вами переѣхала на лѣто изъ Павловска. Войска были расположены по всему берегу залива для наблюденія и защиты отъ десантовъ англо-французскаго флота, который находился въ Финскомъ заливѣ, что и держало его въ теченіи лѣта въ почтительномъ отдаленіи.

Подхожу къ тяжкимъ воспоминаніямъ.... Гвардейскій корпусъ выступилъ, осенью, въ походъ къ западнымъ границамъ, и отецъ вашъ, какъ вы знаете, также пошелъ изъ Петергофа въ походъ со своей дивизіей; я оставалась съ вами въ Петербургѣ. Узнавъ, что гвардія зимуетъ въ Вильно, всѣ семейства военныхъ, въ томъ числѣ и я съ вами, рѣшились ѣхать на зиму въ этотъ городъ; горько было мнѣ оставлять моего Колю и я поѣхала умолять директора Пажескаго корпуса, чтобы его отпустили со мною на время пребыванія моего въ Вильно; просила объ этомъ

какъ-бы предчувствуя что-то недоброе. Къ несчастью, мнѣ его не отдали, и я оставила дорогаго моего Колю въ Петербургѣ, на попеченіе родныхъ, которые всѣ его любили.

Мы уѣхали изъ Петербурга въ октябрѣ и черезъ недѣлю были уже въ Вильно; вы помните нашу радость при свиданіи съ отцомъ вашимъ! Вскорѣ было получено высочайшее повелѣніе отцу вашему выступить съ отрядомъ изъ Вильно и идти дальше. Но демонстрація Австріи противъ насъ не удалась, и дѣйствующій отрядъ былъ остановленъ въ Бѣлостокѣ, гдѣ и была назначена ему зимовка; черезъ мѣсяцъ и мы туда пріѣхали по глубокому снѣгу.

Мы помѣстились въ крошечномъ домикѣ, выстроенномъ по лѣтнему, гдѣ мы очень зябли; прошло нѣсколько почтъ, а мы не получали писемъ отъ нашего Коли, о чемъ я сильно безпокоилась. Вдругъ пришло изъ Петербурга роковое извѣстіе о кончинѣ нашего ангела Коли!

Скорбь, отчаяніе отца вашего и всѣхъ насъ были невыразимы! Заболѣла я, потомъ отецъ вашъ, наконецъ и вы, наши бѣдныя дѣвочки! печаль и страхъ за васъ доходили до помраченія ума! Смерть казалась мнѣ легче того, что мы тогда претерпѣли, но Господь сжалился надъ нами, вы обѣ были спасены и Онъ подкрѣпилъ насъ силою Своею все перенести!

Не успѣли мы опомниться отъ нашего горя, какъ другое ужасное, неожиданное извѣстіе изъ Петербурга поразило насъ какъ громомъ; обожаемый нашъ государь Николай Павловичъ скончался! Отецъ вашъ горевалъ неутѣшно, скорбь была общая.

Крымская война кончилась; вашъ отецъ получилъ новое назначеніе въ Петербургъ; по здоровью его, новая служба была довольно утомительная, но онъ исполнялъ ее, какъ всегда, усердно. Все утѣшеніе наше было въ васъ двухъ; отецъ вашъ, любившій музыку, радовался вашему милому таланту къ музыкѣ и пѣнію; лѣтомъ онъ былъ постоянно въ разъѣздѣ по службѣ, а я съ вами проводила лѣто то въ Ревелѣ, то въ Гапсалѣ; тамъ мы имѣли счастіе видѣть часто нашу многолюбимую императрицу Марію Александровну, которая была ко мнѣ и къ вамъ очень милостива.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ; въ 1860-мъ году Богъ благословилъ насъ рожденіемъ сына Александра; съ его рожденіемъ

намъ просіяло какъ бы новое счастье, вы были въ восторгѣ имѣть брата, я блаженствовала и благодарила Бога! Малютка Саня сдѣлался нашимъ общимъ любимцемъ и утѣхою, что впослѣдствіи онъ вполнѣ заслужилъ своимъ благонравіемъ, своими бойкими способностями и горячею къ намъ любовью. Онъ былъ крестникомъ государя Александра Николаевича, который всегда его ласкалъ и былъ къ нему очень милостивъ; маленькій братъ вашъ былъ зачисленъ въ Пажескій корпусъ. Но счастье наше было непрочно! Здоровье отца вашего стало слабѣть, онъ несъ службу пока было силъ, былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи и вскорѣ тяжко заболѣлъ и скончался, къ великому нашему огорченію и несчастію! Не стало дорогой нашей подпоры и все для насъ измѣнилось; горе мое было смертельное! Только глядя на васъ троихъ я оживала, вы давали мнѣ силы переносить мою невозвратимую потерю, а теперь, дорогія дочери мои, вы дѣлите всѣ трудности мои и заботы, помогаете мнѣ съ любовью воспитывать маленькаго брата вашего и я, любя васъ всею силою моей души, имѣю силы нести крестъ свой съ покорностью къ волѣ Всевышняго [1])!

IV.

Я должна прибавить здѣсь, милые дѣти мои, къ моимъ воспоминаніямъ нѣсколько словъ объ отличительныхъ свойствахъ моихъ трехъ братьевъ, съ которыми насъ связывала самая искренняя дружба; для васъ это будетъ интересно потому, что вы ихъ также любите.

Начну съ брата Николая, впослѣдствіи гр. Амурскаго, какъ со старшаго. Онъ былъ характера веселаго, живаго, былъ шутливъ и остроуменъ, пріятенъ въ обращеніи, какъ съ взрослыми, такъ и съ дѣтьми, что и вы сами знаете. Къ этому онъ имѣлъ бойкія способности, превосходно учился, выдержалъ экзаменъ въ

[1]) Впослѣдствіи, волею Всевышняго, крестъ этотъ былъ страшно отягченъ: составительница этихъ Замѣтокъ имѣла величайшее несчастіе лишиться двухъ своихъ дочерей — въ полномъ разцвѣтѣ ихъ красоты и отличныхъ дарованій, обѣ дѣвушки, одна за другой, въ сравнительно короткое время, скончались,—оставя нѣжно любившую ихъ мать безутѣшною на всю жизнь.

Ред.

Пажескій корпусъ однимъ изъ первыхъ, былъ произведенъ 13-ти лѣтъ въ камеръ-пажи, много читалъ и былъ очень любознателенъ; главная черта его была любовь ко всему военному; онъ съ юности жаждалъ войны, былъ храбръ, но сознавался, что въ началѣ, слыша во время сраженій свистъ пуль, невольно присѣдалъ, но вскорѣ побѣдилъ это чувство; веселость никогда не покидала его, какъ въ болѣзняхъ, такъ и въ трудныя минуты жизни; онъ имѣлъ особый даръ развеселять и ободрять каждаго, что помню и мы испытывали, живя еще дома, у отца. Въ семьѣ онъ былъ любимъ всѣми, отъ мала до велика; иногда онъ, бывало, вспылитъ, но умѣлъ себя сдерживать; впослѣдствіи, прошедши всѣ фазисы военной, вполнѣ боевой, службы, въ которой онъ не разъ заслуживалъ отличія, онъ былъ тяжело раненъ въ руку на Кавказѣ и послѣ поѣздки своей, для леченія за границу, перешелъ къ административной дѣятельности и былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Тулу, а черезъ годъ, государь Николай Павловичъ, который очень благоволилъ къ брату моему Николаю и имѣлъ къ нему большое довѣріе, проѣзжая черезъ Тулу, лично назначилъ его генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Тамъ онъ прослужилъ 14 лѣтъ, преодолѣвая постоянно неимовѣрныя трудности, особенно въ поѣздкахъ своихъ въ странѣ дикой, безлюдной, не имѣвшей порядочныхъ путей сообщеній, на пространствѣ многихъ тысячъ верстъ, и отличавшейся крайне суровымъ климатомъ. Онъ вездѣ побывалъ самъ и совершилъ въ непродолжительное время, вопреки всѣмъ препонамъ, почти чудо, устроивъ на необозримомъ пространствѣ дороги, станціи, города, крѣпости съ гарнизонами и, наконецъ, пріобрѣлъ рѣку Амуръ и весь Приамурскій край, не проливъ ни капли крови, за что и получилъ отъ императора Александра II титулъ графа Амурскаго; все это братъ мой, а вашъ дядя—Николай Муравьевъ исполнилъ въ теченіи 14-ти лѣтъ своего служенія въ Восточной Сибири, но за то сильно поплатился здоровьемъ. Окончивъ важнѣйшія дѣла въ Восточной Сибири, онъ долженъ былъ для поправленія разстроеннаго здоровья ѣхать лечиться за границу, въ теплые края, гдѣ проживъ нѣсколько лѣтъ скончался въ 1881 году, къ великому горю нашему.

Дядю вашего Валеріана Николаевича, моего втораго брата, вы хорошо знали; всѣ мы его также сердечно любили. Онъ былъ

совсѣмъ другаго темперамента, чѣмъ братъ Николай Николаевичъ, хотя въ дѣтствѣ былъ живой и рѣзвый до нельзя, но потомъ въ немъ оказались наклонности болѣе къ мирной и домовитой жизни; онъ былъ добръ, смышленъ, практиченъ и предпочиталъ всему семейную жизнь. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ военной службѣ, онъ вышелъ въ отставку и, по желанію отца, принялся за хозяйство во всѣхъ его имѣніяхъ и жилъ съ нами въ домѣ нашего родителя. Мы были очень счастливы этимъ; въ немъ мы имѣли любящаго, заботливаго брата и друга и вѣрную подпору нашей юности; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ поступилъ вторично на службу, въ министерство внутреннихъ дѣлъ, чиновникомъ особыхъ порученій къ гр. Перовскому, а потомъ былъ назначенъ губернаторомъ во Псковъ, гдѣ онъ прослужилъ съ пользою нѣсколько лѣтъ, былъ оцѣненъ государемъ Александромъ Николаевичемъ, въ губерніи былъ любимъ и уважаемъ всѣми и черезъ нѣсколько лѣтъ былъ назначенъ сенаторомъ; онъ скончался въ 1869 г., еще въ бодрыхъ лѣтахъ, къ глубокой скорби своей семьи и всѣхъ насъ [1]).

О младшемъ братѣ моемъ, Александрѣ Николаевичѣ, котораго вы знаете и любите, скажу, что онъ менѣе извѣстенъ на поприщѣ служебномъ, но заслужилъ глубоко похвальное слово отъ семьи отца своего, которой онъ оказалъ, какъ сынъ и братъ, величайшую услугу; характеромъ онъ болѣе походилъ на брата Николая Николаевича, но не имѣлъ призванія къ военной службѣ; весьма живой и горячій, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно добрый и снисходительный, онъ обладалъ свѣтлымъ умомъ, былъ весьма ученъ, страстно любилъ чтеніе и вообще былъ человѣкъ весьма способный. Окончивъ лицей, 17-ти лѣтъ, съ золотою медалью, онъ вскорѣ былъ назначенъ чиновникомъ къ статсъ-секретарю Позену, въ собственную Е. В. канцелярію, былъ тамъ на лучшемъ счету и отличался примѣрнымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей. Карьера ему предстояла, повидимому, блестящая, но

---

[1]) Съ уваженіемъ вспоминаемъ о Валеріанѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, какъ начальникѣ Псковской губерніи; мы его знали на этомъ посту въ 1862—1864 гг., въ годы весьма трудные, когда ему довелось вводить въ ввѣренной ему губерніи великія реформы Царя-Освободителя. В. Н. Муравьевъ выполнилъ эту святую миссію съ усердіемъ и разумомъ. Ред.

онъ порвалъ ее не задумавшись, чтобы придти на помощь своему престарѣлому отцу, который вызвалъ его къ себѣ на помощь, въ тяжелую минуту своей жизни.

Въ то время оба старшіе брата мои были на службѣ, но не въ Петербургѣ; отцу угрожало большое бѣдствіе: его имѣнія должны были быть проданы съ публичнаго торга, до того ихъ разорили прикащики злоупотребленіями или, лучше сказать, грабительствомъ. Братъ, какъ ни былъ молодъ, не смотря на прекрасное свое положеніе по службѣ, съ радостью поспѣшилъ къ старику отцу, пожертвовавъ для него своей карьерой. Своимъ основательнымъ знаніемъ законовъ и правильнымъ ихъ примѣненіемъ, онъ въ короткое время устроилъ все дѣло, спасъ отъ продажи отцовскія имѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣльными хозяйственными распоряженіями въ имѣніяхъ, порученныхъ ему отцомъ безотчетно, съумѣлъ выручить и собрать, къ сроку, необходимую сумму для удовлетворенія кредиторовъ, чѣмъ пріобрѣлъ ихъ довѣріе; хотя бѣдному моему брату пришлось много претерпѣть за это время, но онъ достигъ великой цѣли: спасъ состояніе и честь отца своего, и каждый изъ насъ обязанъ ему хорошимъ кускомъ хлѣба, полученнымъ въ наслѣдство отъ отца. Скажу въ похвалу брату, что онъ никогда не хвасталъ этимъ, а говорилъ, что это былъ его святой долгъ; не смотря на свою молодость, онъ исполнялъ это важное и трудное дѣло съ полнымъ самоотверженіемъ и любовью къ отцу и къ намъ, его братьямъ и сестрамъ. Приведя въ порядокъ семейныя дѣла, онъ поступилъ опять на службу, но, конечно, много потерялъ и былъ назначенъ предсѣдателемъ казенной палаты въ Смоленскъ, гдѣ пріобрѣлъ репутацію человѣка умнаго и высоко-честнаго. Тамъ онъ вскорѣ счастливо женился и, прослуживъ еще нѣсколько лѣтъ, вышелъ въ отставку и занимается, какъ вы знаете, хозяйствомъ въ имѣніяхъ жены своей [1]).

Прибавлю еще, что цѣль этихъ памятныхъ замѣтокъ была составить ихъ для дѣтей моихъ, которые непремѣнно желали ихъ имѣть. Впослѣдствіи, многіе родные и друзья уговаривали меня напечатать эти наброски; я долго на это не рѣшалась, но наконецъ

[1]) Дорогой братъ мой Александръ Николаевичъ Муравьевъ скончался въ 1885 г., къ великой скорби семьи своей и моей. **М.**

должна была уступить ихъ настойчивому желанію; я никогда не готовилась быть писательницей и записала самыя интимныя воспоминанія моего дѣтства и юности, съ ихъ фактами и нѣкоторыми историческими эпизодами, которые передаю слово въ слово, какъ ихъ слышала не разъ отъ отца моего и отъ другихъ моихъ родныхъ, бывшихъ всего разсказаннаго мною свидѣтелями и очевидцами и которые будутъ имѣть большую цѣну и интересъ для семьи моей и, если Богъ велитъ, для потомковъ моихъ, чѣмъ цѣль моя и будетъ достигнута.

Да сохранитъ уважаемая „Русская Старина“ эти замѣтки, набросанныя съ искренностью сердца, на своихъ страницахъ.

Е. Моллеръ,
рожденная Муравьева.